

М. А. Клинова

**УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ:
ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Дискуссии об эффективности функционирования советской экономической модели, ее пределах и потенциальных возможностях не утихают в историко-экономической литературе по сей день. Одним из критериев эффективности системы является возможность обеспечения высокого уровня жизни и благосостояния населения. Освещению современных подходов к данной проблеме на примере СССР второй половины XX в. посвящена эта работа.

Истоки современной дискуссии об уровне и качестве жизни в СССР уходят своими корнями в период 1980–1990-х гг., когда на волне гласности в отечественной публицистической, а также историко-экономической литературе был сформулирован тезис о неспособности реального социализма обеспечить высокий уровень жизни. Исследователями доказывалась большая эффективность рыночной либеральной модели экономики и неэффективность советской плановой экономической системы. В качестве источниковой базы авторы опирались не на данные советской статистики об уровне жизни, обвиняя ее в их фальсификации, а на аргументы зарубежных экономических публикаций.

Можно перечислить достаточное количество работ зарубежных исследователей, в которых приведены многочисленные доказательства и обоснования более низкой эффективности социалистической системы хозяйства в сравнении с капиталистической.¹ На фоне зарубежных публикаций выделяется работа Я. Корнаи «Экономика дефицита» (М., 1990), которая обозначила новый ракурс в рассмотрении экономических проблем СССР. В ней Я. Корнаи теоретически доказал, что «при классической

социалистической системе явления дефицита являются всеобщими, частыми, интенсивными и хроническими, что делает эту систему экономикой дефицита».² Нехватка товаров, их недостаточный ассортимент, очереди и низкое фактическое потребление — это прямые следствия плановой экономики, ее неэффективности и ресурсоограниченности. Но если Я. Корнаи охарактеризовал «экономикой дефицита» на уровне признаков, то объемным историческим содержанием данную схему впоследствии наполнили отечественные исследователи — историки и экономисты, склонные рассматривать советскую историю с либеральных позиций.

Достаточно яркое выражение либеральная концепция получила в книгах одного из идеологов российских реформ Е. Т. Гайдара,³ который, полностью отрицая саму идею государственного регулирования экономики, утверждает, что даже в странах Западной Европы приход к власти социал-демократических правительств неизбежно приводил к экономическому спаду и необходимости «рыночной терапии». Поэтому Е. Т. Гайдар оценивает потенциальные возможности советского государства по обеспечению благосостояния населения как невысокие. В качестве причин автор называет низкую эффективность капиталовложений, в том числе в легкую промышленность, негибкость советской экономической системы в обеспечении растущих потребностей населения, а также перманентный кризис колхозного сельского хозяйства, не позволявший самостоятельно решать продовольственные проблемы, в результате чего население было обречено на дефицит.

Следует отметить, что многие положения гипотезы Е. Т. Гайдара критикуются современными исследователями. В частности не вполне убедителен, по мнению А. В. Шубина, тезис Е. Т. Гайдара о постоянно пребывающем в кризисе колхозном сельском хозяйстве, в отличие от идеализируемого автором дореволюционного сельского хозяйства.⁴ Аграрный кризис в

¹ См.: Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьба // Вопросы экономики. 1991. № 9; Геллер М. Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994; Геллер М. Я., Некрич А. М. Утопия у власти. М., 2000; Мизес Л. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994; Сорос Д. Советская система: к открытому обществу. М., 1991; Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Клинова Марина Александровна — ассистент кафедры истории и политологии Уральского государственного экономического университета
E-mail: velboy07@mail.ru

² Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономика коммунизма. М., 2000. С. 261.

³ См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005; Он же. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

⁴ См.: Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006.

СССР был, но он не характеризовался постоянством и не становился во второй половине XX в. причиной голода (что регулярно происходило в Российской империи). Колхозное (а фактически государственное) индустриализованное сельское хозяйство обеспечило наращивание количественных показателей. В частности, средняя урожайность зерновых в 1970–1989 гг. выросла с 15,7 до 18,9 центнера с гектара. Для сравнения, в США этот показатель вырос с 31,6 до 44,8. Разница впечатляет, но если сравнить советские показатели с канадскими (21,1–21,2), выясняется, что разрыв между двумя странами был не столь существенным. В США не такой климат, как в Канаде и в СССР. И хотя в Канаде не было колхозов, СССР приближался к ней по уровню урожайности.

Веским аргументом либералов в пользу несостоятельности советского сельского хозяйства и его неспособности прокормить самостоятельно своих граждан является факт импортирования СССР зерна с 1963 г. Впрочем, по мнению А. В. Шубина, «хрестоматийный» факт постоянной закупки зерна не вполне верен, а объемы преувеличены. В 1967–1971 гг. у СССР было положительное сальдо торговли зерном, причем даже в неблагоприятные годы Советский Союз не тратил на закупку больше 5 млрд долларов (в долларах 2000 г.). А после 1973 г., когда увеличились доходы от экспорта нефти, советское руководство уже могло позволить себе безболезненно нарастить импорт. Когда в середине 1980-х гг. цены на нефть упали, сократился и импорт зерна.⁵

По версии Е. Т. Гайдара, только «поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов» и решить другие социально-экономические и внешнеполитические проблемы, и, прежде всего, временно преодолеть «ключевое противоречие советской экономики» (по Гайдару) — между растущим спросом городского населения и хроническим кризисом сельского хозяйства.⁶ Но с точки зрения А. В. Шубина, Е. Т. Гайдар преувеличивает значение кризиса продовольственного снабжения, который в действительности не был хроническим. А рост спроса городского населения на продукты является не проявлением кризиса, а закономерным ре-

зультатом процесса урбанизации. На анализе негативных последствий «нефтедолларового допинга» А. В. Шубин не останавливается, хотя такие авторы как В. А. Мау и Ю. В. Яременко в своих исследованиях справедливо замечают, что негативные последствия были. Получив огромный денежный ресурс, советское руководство потеряло интерес к росту производительности труда и развитию внутреннего производства. Экономика стала более открытой, население привыкло к импортным товарам. Зависимость от импорта продовольствия и промышленных товаров усилилась, что впоследствии, после падения цен на нефть, значительно усугубило внутриэкономическую ситуацию в стране.

В рамках либеральной модели проблему благосостояния в СССР рассматривают Ю. А. Корчагин, Е. В. Красникова, В. М. Кудров, Л. Н. Мартюшов и И. Л. Мартюшова, В. А. Медведев, Я. Л. Орлов, Н. Г. Роголина, А. И. Татаркин, А. М. Тимофеев, Н. П. Федоренко⁷ и многие другие российские, в том числе уральские, авторы, приходя к выводам о неэффективности советской экономики в вопросах обеспечения высокого уровня жизни граждан. При этом рассуждения об экономике СССР сводятся к констатации ее «нерыночности», с чем и связаны, по мнению исследователей, проблемы низкого уровня жизни, недостаточного потребления и т. д. Аргументация авторов сводится к противопоставлению эффективной рыночной экономики и «деформированной» плановой. В частности экономист А. М. Тимофеев сравнивает рынок с «живым организмом», а о планировании пишет как о «глухом механизме централизованного распределения».⁸

⁵ Он же. Золотая осень, или Период зстоя: СССР в 1975–1985 гг. М., 2008.

⁶ См.: Гайдар Е. Т. Гибель империи. С. 183.

⁷ См.: Корчагин Ю. А. Современная экономика России. Ростов-на-Дону, 2007; Красникова Е. В. Экономика переходного периода. М., 2006; Кудров В. М. Крах советской модели экономики. М., 2000; Мартюшов Л. Н., Мартюшова И. Л. Потребление продуктов питания жителями уральского региона в 1950-е–1980-е гг. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2003; Медведев В. А. Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. М., 2003; Экономическая теория. Трансформирующаяся экономика. М., 2004; Роголина Н. Г. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; Экономическая реформа в регионе: проблемы сочетания федерального и территориального. Екатеринбург, 1994; Тимофеев А. М. Институциональная коррупция социалистической системы // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 2.; Федоренко Н. П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М., 2000.

⁸ Тимофеев А. М. Указ. соч.

В этом ряду ученых можно встретить и исключения. В частности А. П. Паршев⁹ избежал противопоставления «рынок–план», представив И. В. Сталина «рыночником, грамотным и последовательным», и, соответственно, экономик периода сталинского правления — «рыночной». Но данное исключение скорее подтверждает правило, и в большинстве публикаций исследователи подчеркивают полярность двух экономических моделей — плановой и рыночной. При этом большинство авторов не дает развернутую теоретическую характеристику данных экономических систем, считая, судя по всему, это лишним и «общеизвестным».

С целью уточнения характеристики плановой экономики обратим внимание на объяснение, которое предлагается в учебном пособии под редакцией В. В. Радаева и А. В. Бузгалина. В качестве наиболее общих признаков плановой экономики СССР авторами выделяются следующие: 1) превращение планового хозяйства в систему командно-мобилизационного типа; 2) «чисто формальное» существование товарно-денежных отношений; 3) связь планового хозяйства с возникновением «особого тоталитарного общества».¹⁰

Даже на первый взгляд предложенная характеристика грешит схематизмом, и можно согласиться с В. Т. Рязановым, по мнению которого в этих общих признаках планового социализма главным является фактическое отрицание содержательной роли товарно-денежных отношений, а это уже не столько плановая, сколько, по мнению В. Т. Рязанова, нетоварная экономика, чего нельзя сказать про экономику СССР. Что касается такого признака советской модели социализма, как «особая тоталитарность общества», связанная с существованием плановой экономической системы, то, по мнению автора, такое качество, если и присуще данной модели, относится к политическому, а не к экономическому устройству. Также не бесспорны, считает В. Т. Рязанов, попытки объяснения действия таких связок, как «план–тоталитарность» и «рынок–демократия». Поэтому, отмечает исследователь, подход В. В. Радаева и А. В. Бузгалина является сугубо формальным, опирающимся на абстрактно-теоретические представления об идеальном социализме, что сродни пониманию реального капитализма как

капитализма совершенной конкуренции, в котором полностью отсутствуют плановые начала. Идея «чистого» капитализма сама лишь является идеальной утопической схемой, которой никогда не было в действительности.¹¹ В. Т. Рязанов убедительно доказывает, что экономика СССР во второй половине XX в. представляла собой не идеально плановое, а фактически смешанное, многосекторное хозяйство с ограниченным действием рыночных механизмов.

В современной историко-экономической литературе достаточно широко представлена точка зрения, сторонники которой считают, что сама система планирования не является синонимом экономического кризиса и имеет потенциальную возможность обеспечения достаточно высокого уровня благосостояния граждан (хотя в оценке пределов этих возможностей авторы расходятся). Данную позицию разделяют как зарубежные исследователи (Дж. Боффа, Д. Котц),¹² так и отечественные авторы, рассматривающие события периода с коммунистических позиций (С. Ю. Глазьев, Г. А. Зюганов, В. Роговин),¹³ а также исследователи С. Г. Кара-Мурза, А. П. Паршев, В. Т. Рязанов, Г. И. Ханин, А. В. Шубин и др.

По мнению А. В. Шубина, успехи у СССР в обеспечении нужд населения были, но для их оценки показатели развития страны нужно сравнивать с показателями не ведущих стран (США и Западной Европы), а стран «третьего мира», так как «социалистические» страны занимали промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, приближаясь к первым. Это подтверждает и структура потребления в СССР, и калорийность питания советских граждан. А. В. Шубин справедливо замечает, что продовольственная проблема (в понимании стран «третьего мира», то есть большинства стран) была в СССР решена, и голод стране не угрожал, хотя продовольственный дефицит (как и дефицит промышленных товаров) оставался важнейшей социально-экономической проблемой. В качестве одной из причин дефицита А. В. Шубин называет невозможность плановой экономики произво-

⁹ Паршев А. П. Почему Россия не Америка? М., 2000.

¹⁰ Экономика переходного периода. Под ред. В. В. Радаева, А. В. Бузгалина. М., 1995. С. 62–64.

¹¹ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 419.

¹² См.: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. М., 1996; Котц Дж. Крах советской системы и уроки для будущего социализма. М., 1998.

¹³ См.: Глазьев С. Ю. Как добиться экономического роста? // Российский экономический журнал. 1996. № 3; Зюганов Г. А. Россия — родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996; Роговин В. Сталинский неонеп. М., 2000.

дить большое количество продуктов высокого качества, так как она была рассчитана на производство либо массы стандартной продукции, либо уникальных образцов сложной высококачественной техники. В итоге часть потребностей населения оказывалась неудовлетворенной.¹⁴ О низком качестве советских товаров, обостряющем проблему дефицита, пишут также Ю. А. Беляев, М. Джилас, С. Г. Кара-Мурза, Е. В. Красникова, В. М. Кудров, В. Найшуль¹⁵ и др.

В то же время С. Г. Кара-Мурза отмечает, что преувеличивать уровень дефицита в СССР также не стоит. Несмотря на некоторые проблемы снабжения, СССР обеспечивал достаточно высокий, даже в сравнении с США, уровень жизни своим гражданам, а «ощущение дефицита» создано в связи с не удовлетворенной в СССР «потребностью в потреблении образов». По мнению С. Г. Кара-Мурзы, эта потребность не менее фундаментальна, чем биологические. На Западе данная проблема была решена за счет создания огромного количества фетишей (вещей-образов), в результате чего важнейшей частью жизни западного общества стали витрины — вид вещей, которые потреблялись только как образы, без покупки самих товаров. В СССР же большая часть потребностей в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. В результате советский строй сформировал у граждан негативное отношение к достаточному потреблению, так как люди нуждались в образах «изобилия и полных витрин».¹⁶

Более категорично сравнивают советскую экономику с капиталистической С. Ю. Глазьев, Г. А. Зюганов, Б. Хореев, отмечая, что «социалистическая экономика была рассчитана на всеобщее удовлетворение материальных и духовных потребностей всех членов общества, в отличие от капиталистической, ориентированной на человека с деньгами».¹⁷

На наш взгляд, такая максимально обобщенная формулировка при всей ее катего-

ричности не аргументирована и нуждается в конкретизации. Более четкой позиции относительно потенциальной эффективности советской экономики придерживается Г. И. Ханин. Автор полагает, что советская, точнее командная, экономика может добиваться не худших, а часто лучших результатов, по сравнению с экономикой передовых и быстроразвивающихся государств, в том числе в плане обеспечения достойного уровня и качества жизни населения. Но Г. И. Ханин подчеркивает, что все это возможно при условии, что это действительно административно-командная система (АКС), с неотъемлемой подсистемой страха и принуждения, а не породившая экономические проблемы фикция, существовавшая в 1960–1980-е гг.¹⁸

В целом тезис о том, что административное давление является неотъемлемой частью советской экономической системы, был сформулирован еще в перестроечное время Г. Х. Поповым.¹⁹ Впоследствии в своей монографии исследователи М. Элман и В. Конторович отмечали, что «административный нажим» играет в централизованной экономике ту же стимулирующую роль, что и конкуренция — в рыночной. Многие современные российские авторы (А. Вишневский, В. Т. Рязанов²⁰ и др.), а также западные экономисты и политологи (П. Грегори, С. Мерль, М. Харрисон²¹) убедительно доказывают, что «наличие контроля и принуждения» обеспечивало СССР успехи в экономической сфере. Г. И. Ханин не является исключением: в своих работах он приводит весомые данные (сравнительные расчеты темпов экономического роста и эффективности инвестирования в экономику), свидетельствующие о преимуществах экономики АКС. Но специфика позиции Г. И. Ханина в том, что он распространяет утверждение об эффективности административно-командной системы экономики на

¹⁸ См.: Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность // Свободная мысль—XXI. 2003. № 9.

¹⁹ См.: Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4; Он же. Система и зубры // Наука и жизнь. 1988. № 3.

²⁰ См.: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1988; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX—XX вв. СПб., 1999.

²¹ См.: Грегори П. Политическая экономика сталинизма. М., 2006; Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1; Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. М., 2001. Вып. 6.

¹⁴ См.: Шубин А. В. СССР в апогее: как мы жили // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52).

¹⁵ Беляев Ю. А. Дефицит, рынок и управление запасами. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М., 2002; Красникова Е. В. Указ. соч.; Кудров В. М. Крах советской модели; Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (анатомия застоя). М., 1991.

¹⁶ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 193, 194.

¹⁷ Хореев Б. Шансы Российской экономики. М., 1997. С. 626.

уровень жизни и благосостояния населения. На наш взгляд, данный аспект гипотезы автора является наиболее слабым ее звеном, так как было бы неверным утверждать, что именно в сталинскую эпоху (период существования АКС) уровень благосостояния и потребления населения СССР рос максимальными темпами и достиг своего пика в сравнении с последующими периодами советской истории. В частности в работах Е. А. Осокиной, Ш. Фицпатрик²² доказано, что уровень жизни всех слоев населения в сталинский период был достаточно низким как в абсолютном смысле, так и в сравнении с последующими периодами советской истории.

Иначе подходят к рассмотрению проблемы потенциальной эффективности советской экономики сторонники модернизационного направления В. Л. Иноземцев, Е. С. Кузнецова, В. А. Красильщиков, В. А. Мау. Определяя СССР как «индустриальное государство с гипертрофированной разновидностью индустриализма», В. Л. Иноземцев и Е. С. Кузнецова отмечают специфические особенности, присущие этой индустриальной системе хозяйствования. Во-первых, это технологическое заимствование. Так, за всю историю СССР не было создано ни одной собственной модели автомобиля, производившейся в массовом масштабе, не было организовано производство современной аудио- и видеотехники для потребительских нужд, а производство современной электронно-вычислительной техники находилось лишь в стадии разработок. Во-вторых, научный потенциал использовался преимущественно в военной отрасли и тяжелой промышленности, а значительная часть товаров народного потребления импортировалась, в то время как основным экспортным товаром оставались энергоресурсы. В-третьих, оставалось чрезмерным государственное регулирование экономики, вследствие чего в СССР, по мнению авторов, имело место вопиющее пренебрежение к нуждам собственных граждан и экономической эффективности производства; государство не было нацелено на максимизацию конечного потребления, и вплоть до своего распада СССР не мог обеспечивать себя продовольствием.²³ Все эти осо-

бенности системы, по мнению В. Л. Иноземцева и Е. С. Кузнецовой, привели к тому, что и в общественном, и в индивидуальном сознании советских людей отсутствовали предпосылки к формированию постиндустриальной мотивации. Социализму не было присуще отношение к человеку как к потребителю, и СССР генетически не был сориентирован на максимизацию потребления населения, и не мог самостоятельно обеспечить высокий уровень благосостояния, не импортируя товары. Именно поэтому, считают авторы, в СССР так и не было создано общество массового потребления, которое могло бы послужить фундаментом для успешной постиндустриальной трансформации, и исход процессов, наблюдавшихся в нашей стране, был фактически предрешен.²⁴

Комментируя мнение В. Л. Иноземцева и Е. С. Кузнецовой, нужно отметить, что тезис авторов о том, что «СССР не мог обеспечивать себя продовольствием», без четкой аргументации и указания хронологических рамок периода, по отношению к которому данное высказывание справедливо, не находит исторического подтверждения, так как в отдельные периоды советская экономическая система решала достаточно серьезные социально-экономические задачи. Игнорирование этих фактов (столь распространенное в современной историко-экономической литературе) искажает историческую картину действительности, придавая советской экономике черты беспомощности и генетической несамостоятельности и изначально лишая ее возможности эффективного функционирования.

Наиболее корректно, на наш взгляд, о советской системе пишет В. А. Мау, отмечая, что в силу индустриальной специфики советская экономико-политическая система была способна решать мобилизационные задачи, но не умела улавливать «тонкие» колебания вызовов постиндустриальной эпохи, так как она могла существовать немного трансформируясь, но в общем-то не меняя своего жесткого индустриального ядра. В силу своей абсолютной неадаптивности советской экономике не удалось избежать многих проблем, в том числе и в плане обеспечения высокого уровня жизни.²⁵

Большинство авторов, независимо от ракурса рассмотрения проблемы, склоняется к вы-

²² Осокина Е. А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43); Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. пер. с англ. М., 2001.

²³ Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. К социодинамике хозяйственных систем. Эскиз экономической истории XX века // Свободная мысль—XXI. 2001. № 1. С. 22–24.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Мау В. А. Экономика застоя: путь в никуда // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52).

воду, что в плане обеспечения благосостояния граждан советская экономика имела некоторые недостатки. Но насколько выше результаты социальной политики в современной России? В ряде работ современных исследователей сопоставлены социально-экономические итоги советского периода с данными, характеризующими уровень жизни населения России 1990–2000-х гг. При этом сравнения в большинстве своем оказываются не в пользу постсоветской рыночной действительности.

В. Т. Рязанов пишет: «Если старая социалистическая экономика, критикуемая всеми за отрыв от интересов массового потребителя, за “самоедский” характер, обеспечивала удельный вес товаров потребления в промышленном производстве в пределах 25–26%, а это в сравнении с другими рыночными странами было недостаточно, то современная рыночная экономика, как ее определяют некоторые экономисты, вышла на показатель около 12%, что означает двукратное сокращение доли потребительских товаров в общем объеме промышленной продукции».²⁶ Я. Л. Орлов отмечает, что в начале XXI в. граждане России потребляли на 30–50% меньше продуктов, чем в СССР.²⁷

Тем не менее, приводя факты, свидетельствующие об ухудшении социально-экономической ситуации, далеко не все исследователи интерпретируют их в пользу советской экономики. Я. Л. Орлов, являясь убежденным «рыночником», полагает, что некоторые недостатки российской рыночной экономики являются «болезнью роста» и будут преодолены, а Е. Т. Гайдар видит в рыночной экономике «освобождение от расточительного потребления». Большинство исследователей вообще избегает комментариев приводимых «негативных» показателей, исходя из того, что переходный период еще не завершен, реформы продолжаются и об их результатах можно будет судить лишь по прошествии определенного времени. При этом некоторые авторы считают, что собственно капитализм в России еще не наступил, а произошло «оденевание административного рынка».²⁸

Сравнение современного «рыночно-капиталистического» периода с советским привело к

появлению дискуссий о весомости социальных гарантий в патерналистском социалистическом обществе. Проблема социальных гарантий, существовавших в Советском Союзе, поднимается сегодня историками, экономистами и социологами. В этой связи можно назвать работы В. В. Бабашкина, Е. А. Богдановой, Т. И. Заславской, С. Г. Кара-Мурзы и др.²⁹ Независимо от оценки уровня жизни в СССР авторы сходятся во мнении, что советская система имела определенные «социальные преимущества». По мнению В. В. Бабашкина, можно говорить даже о том, что рядовые советские граждане были всегда уверены, «что родное государство, родная партия с голоду умереть не дадут. На языке партийной пропаганды это называлось “уверенность советских людей в завтрашнем дне”. И если бы это был просто пропагандистский штамп, он не имел бы той колоссальной силы, какой он реально еще недавно располагал. За ним всегда стояла определенная общественная реальность, сегодня уходящая в прошлое под мощным напором рыночных отношений».³⁰ Социолог Т. И. Заславская также отмечает, что недостатки системы «в известной степени компенсировались наличием пусть относительно невысоких, но устойчивых и разносторонних социальных гарантий»,³¹ в ряду которых она называет фактически бесплатное жилье, обязательное трудоустройство, наличие бесплатного образования и здравоохранения и т. д.

Но не все исследователи разделяют данное мнение. М. Я. Геллер и А. М. Некрич отмечают, что люди в СССР жили в страхе перед завтрашним днем, потеряв надежду на лучшее будущее, что было следствием стабильности советской системы.³² Также негативно отзываясь о советской социальной системе немецкий историк С. Мерль, по мнению которого «исключительно высокие социальные гарантии имели и свою негативную сторону — государственную опеку от колыбели до могилы. В результате этого судьба человека порой была как бы запрограммирована. Выбор профессионального поприща и гарантия занятости были обеспечены уже с поступлением в среднее профессиональное или

²⁶ Рязанов В. Т. Указ. соч. С. 674.

²⁷ См.: Орлов Я. Л. «Советская торговля» — наказание за «не рынок» // Современная торговля. 2005. № 3. С. 101.

²⁸ Экономика развитого социализма: административный рынок, застой и нефть. Интервью с В. А. Найшулем // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52).

²⁹ Богданова Е. А. Советская традиция правовой защиты или в ожидании заботы // Неприкосновенный запас. 2005. № 1 (39); Заславская Т. И. Социальная трансформация Российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

³⁰ Современные концепции аграрного развития. (Теоретический семинар) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 24.

³¹ Заславская Т. И. Указ. соч. С. 363.

³² Геллер М. Я., Некрич А. М. Указ. соч. С. 737.

высшее учебное заведение».³³ На наш взгляд, позиции М. Я. Геллера, А. М. Некрича и С. Мерля в одинаковой степени неубедительны, так как первые писали свою работу еще до распада СССР и «стихийного капитализма» 1990-х гг., в сравнении с которым «уверенность советских людей в завтрашнем дне» становится очевидной, в то время как точка зрения С. Мерля о гипертрофированных социальных гарантиях выглядит несколько преувеличенной.

Но даже те современные российские исследователи, которые, как Л. С. Левинсон, полагают, что «миф о патернализме как об особой государственной заботе о гражданах, насаждался и поддерживался советским государством в корыстных целях»,³⁴ признают, что в «Советском Союзе старики не умирали от голода, не рылись в помойках, семьи не вышвыривались за неуплату на улицу, образование и лечение были в основном бесплатными».³⁵ И хотя советские конституции не называли государство социальным, оно по сути было таковым, и именно с учетом этой характеристики нужно оценивать уровень и качество жизни в СССР.

Подводя некоторые итоги современным дискуссиям об уровне жизни в СССР, можно отметить, что многообразие аспектов и подходов к проблеме, безусловно, способствует многоплановому рассмотрению данной темы. Но научная дискуссия подразумевает аргументированный диалог исследователей и рассмотрение проблемы с различных ракурсов. Существующая же в современной историографии дискуссия относительно уровня жизни в СССР значительно больше напоминает монологи авторов (причиной чего не в последнюю очередь является их политическая и идеологическая ангажированность). При этом исследователи, исходя из логики предлагаемой ими теории, более

детально останавливаются на одних вопросах и игнорируют другие, не освещая весь комплекс проблем благосостояния, а также апеллируют к различным источникам, проверка и критический анализ которых зачастую не входит в планы авторов. Различие мнений исследователей не исключает сходства позиций по ряду вопросов. Например, большинство исследователей считает, что советская экономическая система на протяжении второй половины XX в. не была статичной. Если в сталинский послевоенный период повышение уровня жизни населения главным образом декларировалось, в то время как первостепенные экономические задачи государства лежали в иной плоскости (тяжелая промышленность, военная сфера и т. д.),³⁶ то в последующие годы повышение уровня жизни ставилось целью советской государственной политики. Советский Союз, реализуя определенную модель социальной справедливости, обеспечивал населению гарантированный более или менее равный уровень жизни, защищая от негативных социальных последствий капиталистической экономики (как и от позитивных).³⁷

Несмотря на обилие публикаций, многие аспекты проблемы благосостояния до сих пор остаются неизученными. Это относится к вопросам эволюции качества советских продовольственных и промышленных товаров на протяжении второй половины XX в., сравнения их с зарубежными и современными российскими аналогами и т. д. Поэтому, на наш взгляд, с целью изучения данных проблем, обобщения и критического анализа уже накопленного материала необходимо комплексное конкретно-историческое исследование уровня жизни населения СССР во второй половине XX в., которое, при всей актуальности данной темы, на сегодняшний день отсутствует.

STANDARD OF LIFE IN THE SOVIET UNION: DISCUSSION ISSUES

The efficiency of the Soviet economic system in maintaining the high standard of life and wellbeing for the people is one of the most controversial issues in the modern historiography. The authors offer different opinions on the subject analyzing the dynamics of the standard of life of the population in the Soviet Union, comparing the Soviet standard of life with the data on the population's wealth in developed capitalist countries and today's Russia. The article presents an analysis of some aspects of this discussion based on materials from the second half of the 20th century

Marina A. Klinova

³³ Мерль С. Указ. соч. С. 112.

³⁴ Левинсон Л. С. Миф о патернализме // Неприкосновенный запас. 2005. № 1 (39).

³⁵ Там же.

³⁶ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.

³⁷ В вопросе, защищал ли СССР население от бедности или изолировал от возможности достижения богатства, исследователи вряд ли когда-нибудь сойдутся во мнении.